

Барышникова Ирина Юрьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики английского языка
Института иностранных языков
Московского городского
педагогического университета
тел.: (916) 129-55-03

**АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
ПАДАЮЩЕЙ ЗВЕЗДЫ (КОМЕТЫ)
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

Аннотация:

Апокалипсис, или Откровение св. Иоанна Богослова, всегда привлекал внимание русских художников слова, однако подробный литературоведческий анализ текстов в сопоставлении с оригиналом встречается редко. В статье рассмотрен образ падающей звезды (кометы) в русской поэзии (стихотворения А. Фета, Н. Гумилева, М. Волошина, С. Есенина, А. Блока, нашего современника иеромонаха Романа и др.) в контексте Апокалипсиса и святоотеческой традиции.

Ключевые слова:

Апокалипсис (Откровение св. Иоанна Богослова), падающая звезда (комета), русская поэзия.

Baryshnikova Irina Yuryevna

Candidate of Philosophy,
associate professor of
the chair of English Phonetics,
Institute of foreign languages of
Moscow City Pedagogical University
tel.: (916) 129-55-03

**APOCALYPTIC SYMBOL OF
A SHOOTING STAR (COMET)
IN RUSSIAN POETRY**

The summary:

Apocalypse (Revelation of St. John the Devine) has always attracted Russian poets, but the detailed philological analysis of the texts in comparison with the original can be seldom found. The article shows the symbol of a shooting star (comet) in Russian poetry (poems of A. Fet, N. Gumilev, M. Voloshin, S. Esenin, A. Blok, our contemporary priestmonk Roman, etc.) in the context of Apocalypse and on the basis of patristic Christian tradition.

Keywords:

Apocalypse (Revelation of St. John the Devine), shooting star (comet), Russian poetry.

Апокалипсис, или Откровение св. Иоанна Богослова, как наиболее символичная и таинственная книга Нового Завета всегда привлекала внимание как служителей муз, в том числе художников слова, так и литературоведов [1, 2]. Так, в мировой художественной культуре хорошо известны образы апокалипсических всадников, трубы Архангела, вавилонской блудницы и др. В данной работе мы рассмотрим частотный для русской поэзии образ падающей звезды в контексте Апокалипсиса, где этот образ встречается четырежды, всегда с разными значениями. Поэтические переложения Откровения предпринимались разными авторами, например, В.А. Жуковским («Из Апокалипсиса», включенное в поэму «Агасфер»), А.Н. Майковым («Из Апокалипсиса»), некоторые главы переложены И.А. Буниным. Однако наиболее интересным с точки зрения избранного образа, на наш взгляд, является поэма нашего современника иеромонаха Романа «Глаголы вещи» (1991) [3, с. 499–513]. Для начала уместно будет сравнить текст поэмы с оригиналом и дать святоотеческую трактовку этому символу с тем, чтобы стало понятнее его использование в других поэтических контекстах.

Итак, 1. «И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои (И звезды небесные падоша на землю, якоже смоковница отметает пупы своя, от ветра велика движима)» (Откр. 6, 13) [4]. У иеромонаха Романа: «Падоша звезды, якоже листва» (2-ая глава, 5-ая строфа поэмы). «Падоша» – аорист множественного числа церковнославянского глагола «падати». Развернутый образ смоковницы из 13-ого стиха опускается совсем, вместо него используется лаконичный «листва», что, на наш взгляд, несколько обедняет стих, так как «смоковница» – образ символический и очень емкий. Вот что говорит по этому поводу св. Андрей Кесарийский: «Пали звезды... означает, что падут и считающие себя светилами мира, пораженные и сокрушенные событиями того времени, когда по слову Господа: «по причине множества скорби прельстятся, насколько возможно, и избранные» (Мф. 24, 24). Поэтому... здесь и указывается на смоковницу, которая при колыхании от дьявольского ветра роняет плоды, еще недоразвившиеся, еще не созревшие в зное искушений и не получившие сладости благодати. Ибо смоковница понимается в двух смыслах – добром и дурном. Так, это можно заключить из «двух кошниц смокв хороших и дурных», показанных Иеремию (24, 1–2), из смоковницы, засохшей по слову Христа (Мф. 21,19; Мк. 11, 13–14) и из «износящей цвет» в книге Песнь песней (2, 13)» [5, с. 75–76]. «Листва», символ, уступающий библейской «смоковнице», тем не менее очень органичен здесь, учитывая святоотеческую трактовку данного стиха, поскольку в контексте всего творчества иеромонаха Романа «падаю-

щие листья» обозначают людей, отпавших от Бога. Например, смотрите стихотворение «Все на земле для нас живущих...» (1987).

2. «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. (И третий ангел вострубил, и паде с небесе звезда велика, горящи яко свеща, и паде на третью часть рек и на источники водныя: и имя звезде глаголется афиндос: и бысть третия часть вод яко пелынь, и мнози от человек умроша от вод, яко горьки беша)» (Откр. 8, 10–11). Сравните:

И третий глас звезду Пелынь низверг,
И та паде свещой горящей в воды.
И третья часть источников и рек
Пелынью ста и смертию народам.
(4-ая глава, 3-я строфа поэмы)

Фразеологизм «ангел (аггел) вострубил» трансформируется автором в «глас звезду...низверг»; «полынь», «звезда велика» или «афиндос» – в «звезду Пелынь», существительное «звезда» – в указательное местоимение «та», паде с небесе» – в «паде» (аорист, единственного числа глагола «падати»), «горящи яко свеща» – в «свещой горящей», «на третью часть рек и на источники водныя» – в «в воды», «и бысть третия часть вод яко пелынь» или «яко горьки беша» – в «И третья часть источников и рек / Пелынью ста», «мнози от человек» – в «народы», «умроша» – в «смерть».

Некоторые святые отцы утверждают, что горечь, называемая полынью, означает скорбь, поражающую грешников в геенне, по обширности своей она названа водами. Св. Андрей Кесарийский пишет, что горечь «указывает и на скорби последних дней. Звезда или означает, что все это идет с неба, или указывает на дьявола, как о нем говорит пророк Исайя: како спаде с небесе денница восходящая заутра (Ис. 14, 12) <то есть как упала с неба утренняя звезда. Дьявол, или люцифер, именуется падшим ангелом, падшей с неба утренней звездой>. Так как дьявол, напоя людей через удовольствия горьким развращением, по попущению Божию наводит и скорби... на третью часть, для того, чтобы неверие в загробное воздаяние не привело нетерпеливых к душевной смерти. На оставшихся же в живых перед кончиной сбудется все горькое, видимое наступление которого Господь раскрыл для нашего вразумления» [6, с. 94–96].

Горечью этой звезды проникнуто творчество всех поэтов Серебряного века. Так, у М. Волошина, сознательного апокалиптика, стихотворение «Полынь» (1906) из цикла «Киммерийские сумерки» посвящено творчеству художника К. Богаевского, в частности его картине «Звезда Полынь»:

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей Полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал — надломленные крылья.
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной — застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полнотной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне [7, с. 90].

Душа поэта отождествляется с древней страной Киммерией, находившейся в восточной части Крыма, пустынной, бесплодной и отверженной всеми. Отсюда лексемы «Полынь», «горький», «горечь», «пустыня», «отверженный», «тоскующий», «незрячий», «немой», «безгласный»,

«бескрылый». Весь цикл стихотворений «Звезда польнь» (1906–1907) проникнут христианскими и изотерическими изысканиями.

3. «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. (И пятый агел воструби, и видех звезду, с небесе спадшу на земли, и дан бысть ей ключ студенца бездны). Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. (И отверзе студенца бездны, и взыде дым от студенца яко дым печи велики). И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. (И от дыма изыдоша пружи на земли). И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев; и мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека» (Откр. 9, 1–5). Сравните:

И пятый Ангел возгласи трубой –
Паде звезда, и бысть открыта бездна.
И взыде дым, и пружи над землей,
Имущи жала мучити неверна.
(4-ая глава, 5-ая строфа поэмы «Глаголы вещие»)

«Паде звезда» – снова аорист единственного числа, как и в случае со звездой Польшью. Эта звезда, по мнению св. Андрея, есть Ангел, который по попущению Божию, выпустит из бездны осужденных злых демонов. Христос, воплотившись, связал их, чтобы они, сделавши свое перед кончиной, подверглись потом бесконечным мукам. Бездна – геенна, дым – мрак, предшествующий злым делам, производимых по их наущению, после которых они получают власть мучить людей. Помрачение солнца и воздуха, опущенное, кстати, у иеромонаха Романа, означает душевное ослепление людей. Пружи или саранча, уязвляющие людей подобно скорпионам, указывают на душевную смерть, которой подлежат все, неотмеченные на лицах Божественной печатью [8, с. 100–101].

Итак, в Откровении св. Иоанна Богослова и в поэтическом переложении оно – поэме «Глаголы вещие» иеромонаха Романа космический образ падающей звезды встречается многократно и является многозначным символом. «Падша звезда» символизируют отпавших от Бога людей, сильных мира сего; «Паде с небесе звезда велика» (звезда Польшья) означает, что все скорби, «горечь» идут с неба или указывает на дьявола, денницу, падшую утреннюю звезду); «звезда в небесе, спадшая на землю» есть Ангел Божий, выпускающий из бездны демонов.

4. И, наконец, «И другое знамение явилось на небе. Вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю» («И явися ино знамение на небеси: и се, змий великий чермен, имея главу седмь и рогов десять, и на главах его седмь венц. И хобот его отторже третью часть звезд небесных и положи я в земли») (Откр. 12, 3–4) символизирует «первое падение дьявола с неба последним движением зависти, увлекшее вместе с ним на землю и единомышленников с ним ангелов» [9, с. 127]. К сожалению, этот последний образ падающих звезд не отражен у иеромонаха Романа, однако некоторая образность этих стихов Апокалипсиса есть у других поэтов, например, у Н. Гумилева, что и будет рассмотрено ниже.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что, так или иначе, апокалипсический образ падающей звезды имеет в основном негативную коннотацию, обозначает или дьявола и дела его смертоносные, или людей, отпавших от Творца, духовно мертвых, или руку Творца, но карающую. Некоторые духовно опытные священнослужители, кстати, не советуют подолгу смотреть на падающие звезды. По-видимому, именно с этим связан тот факт, что в русской народной традиции, в русских поверьях, падающая звезда, в отличие, например, от английской традиции (Падающие звезды спускаются с небес, чтобы вдохнуть души в новорожденных детей. (Йоркшир), Когда увидишь над своей головой падающую звезду – загадай желание, и ты будешь счастлив целый год (Уэльс)), ассоциируется, как правило, со смертью: «Доселе говорят, что каждая падающая звезда есть верный признак смерти какого-нибудь человека». «Каждый человек на небе имеет свою звезду. Когда человек умирает, то звезда его падает с неба». В детской и молодежной среде повсеместно в России распространено поверье о том, что если успеть загадать желание во время полета падающей звезды (до ее исчезновения), то оно непременно сбудется» [10].

У С. Есенина звезда есть метафорический образ человеческой жизни, и падение звезды равносильно «кладбищенской ограде», смерти, отсюда элегический настрой стиха: «Гори, звезда моя, не падай. / Роняй холодные лучи. / Ведь за кладбищенской оградой / Живое сердце не стучит».

В стихотворении В. Высоцкого «Звезды» (1964), посвященном военной тематике, падающие звезды ассоциируются с гибнущими в бою солдатами: «Смертью пропитан воздух / А небосвода бесшумным дождем / Падали звезды», «С неба скатилась шальная звезда / Прямо под сердце». «Шальная звезда» здесь синоним шальной пуле. Одновременно это еще и символ воинской доблести и славы: «Вон покатились вторая звезда – / Вам на погоны». Лирический герой, согласно приметам, загадывает желание: «Выйти живым из боя!», – но его желание не сбывается, и падающая звезда называется «глупой звездой» по аналогии с глупой приметой, глупостью, в которую верят суеверные люди. Это придает стихотворению трагическую ноту.

«Падающая звезда» иногда трансформируется и становится «кометой». У иеромонаха Романа комета есть символ смерти, «живая смерть», как о ней сказано в одноименном «апокалипсическом» стихотворении (2001): «Опять нам угрожают небеса. / Опять несется страшная комета. / Как молнии пронзила небосклон, / И пала в море, погреблась волнами».

Это может быть образ звезды Полюны, но, скорее всего, «страшная комета» – это собирательный образ всех падающих звезд, упомянутых в Откровении св. Иоанна и символ конца света, точнее всех ужасов и страхов, связанных с ним. В другом стихотворении «Апокалипсис» (2003) появляется синоним кометы «астероиды» с тем же значением: «Не хотел бы пугать, но за нами охотится космос. / Астероиды сотнями рвутся живущих бомбить». Однако о. Роман как священнослужитель и просто православный христианин, конечно, не воспринимает Апокалипсис как сплошное зло. Страданиями должны очиститься от грехов верные и вразумиться «неверные». Его стихи, в том числе и апокалипсические, – это призыв к покаянию. Такой же смысл может иметь и собирательный образ падающих звезд: «И уже представляю, как небо свивается в свиток, / И как падают звезды, я вижу почти наяву. / Нам бы руки воздеть! Нам бы разом упасть на колени! / Милосердный, Ты можешь, спаси, сохрани, оборони!» Зыбкий, текучий образ дрожащей звезды из стихотворения «И вижу в окровавленной луне...» (1991) – есть, с одной стороны, символ приближающегося Конца, Второго пришествия Христова, оно еще не наступило, но по всем признакам уже «близко, при дверях» (Мф. 24, 33). С другой – символ хрупкости, непрочности человеческого пребывания на земле. А коль скоро это так, то и покаяние не стоит откладывать, и нужно его совершить, пока мы еще здесь, в этом мире, иначе может быть слишком поздно:

И звезды, сотрясаясь, ниспадут.
И будет ужас и тоска в народе.
Не потому ль дрожащую звезду
Уединясь, ищу на небосводе?
Она дрожит, пока еще дрожит,
Желанный свет бросая пешеходу...
О, сколько мрака на земле и лжи,
Что Божий гнев коснется небосвода! [11, с. 175].

Интересно, что у М. Волошина встречается образ «неверной кометы», семантически схожий с «дрожащей звездой» поэта-монаха. Но, если «дрожащая звезда» – это символ лукавства нашего земного времени, которое рано или поздно закончится, и покаяние уже будет невозможно, то «неверная комета» есть метафорический образ лукавого человека:

В мирах любви неверные кометы,
Сквозь горних сфер мерцающий стоjar –
Клубы огня, мятущийся пожар,
Вселенских бурь блуждающие светы [12, с. 55].

Сравните с «неверным человеком», безбожником или язычником. Антитеза здесь схожая. «Неверная комета» противопоставляется Божию миру, Божественной любви и порядку. Она как бы отпадает от Бога, от «горних сфер» и «блуждает» далеко от Него, становится «неверной» Ему. Она светит, но это «блуждающий свет», свет люцифера, порождающий «мерцающий стоjar», «клубы огня», «мятущийся пожар» и «вселенские бури».

Схожее мироощущение свойственно и А. Блоку. В 1910 г., наблюдая за кометой, он писал о ней стихи, в которых говорилось не о «падучей звезде», а о «судьбах мира». Для поэта комета – это образ «страшного мира», грядущей катастрофы:

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем – твоих поцелуев бред,
Темный шорох цыганских песен,
Торопливый полёт комет! [12, с. 89].

Страшный мир проник и в самое сильное чувство человека – любовь, поэтому любовная лирика поэта столь нерадостна, пессимистична, в ней звучит протест и обвинение этому миру.

Хаос любовных переживаний А. Григорьева также сравнивается с кометой. Падающая звезда, «недосозданная, вся полная раздора», летящая «неправильной чертой», также нарушает «спокойствие и гармонию», «размеренность и стройность» сонма звезд, мироздания в целом:

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?..

Однако далее восприятие этого небесного явления меняется. Оно становится гораздо более позитивным:

Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья [14, с. 56].
(«Комета»)

Поэт испытывает состояние катарсиса, он понимает, что «раздор», «борьба и испытанья», хаос необходимы для «очищения и ...самосозданья». Тот же смысл есть и в событиях Апокалипсиса.

Особую смысловую нагрузку несет образ «голубой кометы» у Н. Гумилева. (Смотрите стихотворение «Сон Адама»). Апокалипсис – одна из центральных тем его творчества. Поэту – акмеисту важно понять начало начал, первоизданную сущность бытия, точку отсчета пути, который ведет мир к катастрофе. Это первородный грех. Гумилеву Великий Конец представляется как Великое Начало (и наоборот), как переход к новой жизни, которая есть путешествие в бесконечности. По поводу образа «голубой» кометы, олицетворяющей Апокалипсис, интересно замечание исследователя С.Н. Колосовой: «Цветовое решение этого образа, определяющее его глубинный смысл, также подчинено философской концепции Н.С. Гумилева о конце света... Поэт часто использует яркие живописные образы, созданные в контрастной палитре. В данном случае это сочетание багрового и голубого цветов: «И, медленно рея багровым хвостом, Помчалась к земле голубая комета...» В свете традиционной для Гумилева семантики цвета... толкование образа может быть следующим; «багровый хвост», то есть «кровавый», несущий смерть, трагический конец, поэтому и движение его «медленно». Но вместе с тем комета «голубая», то есть она несет собой проявление небесной, божественной милости к человеку, ибо дает избавление. Именно поэтому она «помчалась к земле», ее назначение стать ответом на молитву и как можно скорее спасти человека. Таким образом, цветовой контраст («багровый», «голубой») усиливает пространственно-временной оксюморон («медленно рея», «помчалась к земле»), что соответствует утверждению Н.С. Гумилева, парадоксальному, на первый взгляд, что Апокалипсис есть благо» [15, с. 67–68]. Сделаем предположение, что «голубая комета» с «багровым хвостом» есть также и отголосок 12 главы Откровения: «И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал пред женой <облеченной в солнце>, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать младенца» (Откр., 12, 3–4). Движение «багрового хвоста» кометы – это хвост красного дракона, символизирующего дьявола, который, как уже было сказано выше, при падении с неба увлек за собой и третью часть ангелов, единомышленных ему или, по другой трактовке, по сокрушении его головы, движение хвоста отвлекает нетвердых, которые после крещения образно называются звездами, от небесной мудрости [16, с. 127], отсюда голубой цвет кометы, цвет неба. Некоторые толкователи «под женой, облеченной в солнце, разумели Пресвятую Богородицу» [17, с. 124], а богородичный цвет тоже, как известно, голубой.

Итак, образ падающей звезды встречается в Откровении св. Иоанна четыре раза, в его литературно-художественном переложении «Глаголы вещие» иеромонаха Романа – три, всегда с семантикой «смерти», будь то смерть физическая или духовная. Однако в традиционной русской православной культуре, литературе в том числе, «смерть» понимается не только как «утрата», «боль», «скорбь» (А. Фет, С. Есенин, М. Волошин, А. Блок и др.), но и ассоциируется с будущим воскресением, преображением, новой жизнью (иеромонах Роман, Н. Гумилев, А. Григорьев). И таким образом, падающая звезда (комета) становится в русской поэзии символом всего Апокалипсиса.

Ссылки:

1. Евангельский текст в русской литературе 18–20 веков: сб. науч. тр.: Вып. 2. Петрозаводск, 1988. Вып. 3. Петрозаводск, 1994.
2. Поэзия серебряного века. М., 1999.
3. Роман, иеромонах. Внимая Божьему велению... Минск, 2000.
4. Новый Завет. М., 1993.
5. Толкование на Апокалипсис св. Андрея, архиепископа Кесарийского. М., 2008.
6. Там же.
7. Волошин М. Избранное. М., 1992.
8. Толкование на Апокалипсис св. Андрея, архиепископа Кесарийского.
9. Там же.
10. Приметы. Звезда падающая. URL: <http://www.peterlife.ru/funofface/primeta/160.htm> (дата обращения: 18.05.2011).
11. Роман, иеромонах. Избранное. Минск, 1995.
12. Волошин М. Указ. соч.
13. Блок А. Стихотворения. М., 1991.
14. Григорьев Аполлон. Избранные стихотворения. М., 1985.
15. Колосова С. «И воин, и всадник» (Николай Гумилев). М.: Ярославль, 2004.
16. Толкование на Апокалипсис св. Андрея, архиепископа Кесарийского.
17. Там же.

References (transliterated):

1. Evangel'skiy tekst v russkoy literature 18–20 vekov: col. of sci. works: Issue 2. Petrozavodsk, 1988. Issue 3. Petrozavodsk, 1994.
2. Poeziya serebryanogo veka. M., 1999.
3. Roman, ieromonakh. Vnimaya Bozh'emu velen'yu... Minsk, 2000.
4. Noviy Zavet. M., 1993.
5. Tolkovanie na Apokalipsis sv. Andrey, arkhiepiskopa Kesariyskogo. M., 2008.
6. Ibid.
7. Voloshin M. Izbrannoe. M., 1992.
8. Tolkovanie na Apokalipsis sv. Andrey, arkhiepiskopa Kesariyskogo.
9. Ibid.
10. Primety. Zvezda padayushchaya. URL: <http://www.peterlife.ru/funofface/primeta/160.htm> (date of access: 18.05.2011).
11. Roman, ieromonakh. Izbrannoe. Minsk, 1995.
12. Voloshin M. Op. cit.
13. Blok A. Stikhotvoreniya. M., 1991.
14. Grigor'ev Apollon. Izbrannye stikhotvoreniya. M., 1985.
15. Kolosova S. "I voin, i vsadnik" (Nikolay Gumilev). M.:Yaroslavl', 2004.
16. Tolkovanie na Apokalipsis sv. Andrey, arkhiepiskopa Kesariyskogo.
17. Ibid.